

Не за горами 85-летний юбилей Коркино. Поэтому воспоминания, можно сказать, исповедь Анастасии Клементьевны очень дороги не только ей и её близким. Это интересно почитать многим коркинцам.

Анастасия Баландина

ЗДЕСЬ ХОРОШО И УЮТНО

У каждого человека на Земле есть знаковое место, где он родился и вырос. Для меня это родной и любимый город Коркино, где прошли самые счастливые детские годы и вся взрослая жизнь, профессиональная деятельность. С этим местом связаны самые тёплые воспоминания.

Мой город не самый большой на географической карте, однако для меня он особенный, имеющий богатую историю. По одной из легенд, населённый пункт получил название благодаря беглому каторжнику Афанасию Коркину. Позже к нему присоединились родственники из Еткульской крепости, и заимка превратилась в небольшую деревню. Статус рабочего посёлка она получила с началом масштабного освоения угольных копей.

Настоящее рождение города связано с открытием богатейших запасов каменного угля. И в связи с бурным ростом промышленности и населения, 2 октября 1942 года рабочий посёлок Коркино получил статус города областного подчинения. Это произошло в разгар Великой Отечественной войны, что позволило получить бюджет, развивать органы местного са-

ОТ РЕДАКЦИИ

Анастасия Клементьевна Баландина (девичья фамилия Шлыкова) родилась

13 декабря 1935 года в Коркино. Училась в школах №6 и 1. С отличием окончила историко-филологический факультет Кустанайского педагогического института.

В Коркино преподавала русский язык, литературу и историю в школе-интернате №2, затем в школе №2. Отработала учителем, завучем, инспектором города 53 года!

Ей присвоено звание «Ветеран труда», она награждена медалями «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ленина, «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны». В 1991 году присвоено звание «Учитель-методист». Анастасия Баландина отмечена знаками «Отличник просвещения СССР» и «Отличник соцсоревнования» 1973 года.

Семейная фотография Шлыковых: на коленях у мамы Ульяны Ларионовны сидит Анастасия, справа — отец Климентий Аввакумович, слева — дядя Ефим Аввакумович, в верхнем ряду стоят брат Ермолай и сестра Анна

ИСПОВЕДЬ О МАЛОЙ РОДИНЕ

моуправления и социальные учреждения (школы, больницы), так необходимые для растущего населения.

Стал меняться облик центра, построили Дворец культуры, жилые дома, появилось много новых школ, техникумов и училищ. Например, в училище №33 был очень большой конкурс!

Во время войны в районе вскрышного разреза находился лагерь для ссыльных и пленных немцев. И они участвовали в строительстве многих жилых домов. И какой же удивительный и добросердечный наш народ. Когда была ещё ребёнком, мы с мамой ходили подкармливать ссыльных тем, что росло у нас на огороде: носили им зелёный лук, картошку.

Особая и уникальная достопримечательность Коркино — угольный разрез, который сейчас успешно рекультивируется. Он был самым глубоким открытым угольным карьером в Европе и вторым в мире! А отвалы из горных пород занимают особое место в ландшафте города. Постепенно рекультивируемые склоны представляют собой удивительный техногенный пейзаж.

Я люблю свой город. Мне здесь хорошо и уютно!

ТЫ МНЕ, УЛИЦА РОДНАЯ, И В НЕПОГОДУ ДОРОГА

Прошло много лет, как закончила свою педагогическую деятельность. И всё чаще ночами, когда одолевает бессонница, вспоминаю свою родную Береговую улицу, где провела детство. Воспоминаниями делилась с моей младшей сестрой Людмилой. Нас сблизило не только кровное родство, но и учительская работа. Я отдала школе 53 года, она — 48, хотя разница в возрасте у нас 12 лет. Слушая мои рассказы об улице Бере-

говой, она постоянно повторяла: «Ты должна это записать!»

— Кому это нужно? — сопротивлялась я. Люся же меня убеждала, что это нужно молодым — детям и внукам, что интерес к прошлому никогда не умирает. Это осмысление нашей жизни, истории.

И вот я начинаю свой рассказ. Кто жил на Береговой улице и как формировался наш город?

В Советском Союзе быстрыми темпами строился социализм. Шла коллективизация, индустриализация. Ломала человеческие судьбы острая идеологическая борьба. Рушился патриархальный уклад жизни. Урал быстро в годы первых пятилеток превратился в опорный край державы. В 1930-е годы открыли Коркинское месторождение угля, который залегал близко к поверхности, что позволяло вести открытую разработку. Сейчас о начале наших угольных разрезов все знают.

Направленным взрывом был снят и брошен в сторону поверхностный слой земли. Заложили разрезы 1–2, 3–4. Говорили, что уголь находился на глубине двух метров. Вот сюда-то из разных деревень и прибывали наши первые добытчики угля. Начал формироваться рабочий посёлок.

Наши родители Климентий Аввакумович (1905 года рождения) и Ульяна Илларионовна (1907) Шлыковы под угрозой раскулачивания ночью, собрав скудный скраб, одежку, детей (Аксинью, Веру, Ивана), в 1932 году отправились в Челябинск. Папа устроился на работу на тракторный завод маляром, потом промывальщиком паровоза. Узнал, что это за машина.

А на разрезе активно шло освоение нового месторождения, требовались специалисты разного профиля. Папа стал из промывальщика машинистом паровоза и спустился в разрез. А поселилась семья на улице

Береговой, где построили незамысловатую землянку из двух комнат. К тому времени в трудные годы умерли старшие дети, мама серьёзно болела. Испытали и голод, и холод.

Тем не менее, родилось ещё двое детей: Ермолай и Анна, а в декабре 1935 года появилась и я. Потом в 1938-м — Нина, в 1940-м — Александр, в 1945 году — Алексей, и в 1947-м — Людмила.

Ермолаю не нравилось его имя (Ермоша — Мошка), поэтому Мошка стал Мишкой — Михаилом. А нас по-уральски называли так: Нюра, Стюра, Шура (ра — это ласкательный суффикс). И так, в семье было 10 детей, из них выжили шесть.

А улица Береговая на правом берегу речки Чумляк активно заселялась теми, кто бежал от раскулачивания, возвращались из ссылок репрессированные. В 1938–1940 годах сюда направляли из разных мест семьи: из Украины — западники — они жили в бараках на Втором участке, работали в разрезе. И весь будущий город состоял из посёлков: Старое строительство, Новое строительство, Национальный-Немецкий (немцы Поволжья), Роза. В годы войны сюда направляли военнопленных немцев.

Рядом с нами на Береговой в землянке жила Григорьевна — старушка лет 70-ти. Она рассказывала, как они плыли на пароходе с Сахалина, и всех на палубе укачало море. Это были политические ссыльные. Осталась она одна, часто болела и бывала у нас, у нас же и умерла.

Через дом от нас в землянке жила старушка Пильничиха. В конце 40-х годов после войны к ней приехал сын Василий с семьёй. Их раскулачили, сослали из Курганской области в Мурманскую, в город Мончегорск, на разработку апатитов. С их дочерью Катей я училась в школе до десятого класса. Мы с ней выпускали еженедельную

«КОГДА
БЫЛА ЕЩЁ
РЕБЁНКОМ, МЫ
С МАМОЙ ХОДИЛИ
ПОДКАРМЛИВАТЬ
ССЫЛЬНЫХ НЕМЦЕВ
ТЕМ, ЧТО РОСЛО
У НАС НА
ОГОРОДЕ»

классную стенгазету «Бокс» (боевой орган комсомольской сатиры). А сейчас живём в одном подъезде с её глухонемой сестрой Полиной, а с другой сестрой — Валентиной — вместе ездим в сад «Вскрышник».

Большими семьями и заселялась улица Береговая: широкая, покрытая степной травой, даже клубника мелкая росла на межах и огородах. Семьи были многодетные, в каждой 4–6 детей, а если один-два ребёнка, то в нашем сознании возникал вопрос: «Почему?»

Когда наступала весна-лето, детвора разного возраста высыпала на улицу. Нас было так много! Не помню ссор, драк, прозвищ. Мы играли в красные-синие, бегали до глубоких сумерек. Были и тихие игры, в которых мы подражали взрослым: косили сено, делали игрушечные телеги и возили траву для скота.

В конце улицы Береговой жили многодетные семьи Титовых, Баландиных, Паньковых, Ширинкиных. Помню, как летом устраивали шумные и небезопасные игры: наполняли консервную банку карбидом, закапывали в землю. Затем доливали в лунку воду. Бурно выделялся газ. Раздавался взрыв. Банка высоко летела вверх. Это вызывало восторг: чувство опасности, прилив адреналина! Карбид приносился из разреза, им взрывали горную породу.

Наш, в то время ещё рабочий посёлок жил под девизом «Урал — фронту!». Каждые два часа по железной дороге в Дубровку отправлялся длинный состав в Челябинск с углём — выводка. Двигали его два-три паровоза, так как от реки Чумляк начинался подъём.

Выводки шли медленно, с натугой. Этим пользовались береговские подростки. Они тайком прятались в вагонах с углём, затем на борт вагона кляли крупные куски угля. Как только поезд начинает медленный и трудный подъём за Чумляком, сталкивали подготовленный уголь на откос железной дороги. Затем, выпрыгнув из вагона, собирали уголь и несли домой.

Бывали тяжёлые травмы, некоторые ребята на всю жизнь оставались без ног. А когда выводка с большой скоростью и грохотом (в пустой бочке больше звону) возвращалась домой, в районе будущего завода ЭВРЗ её поджидали дети 7–9 лет. Видя приближающегося «змея-горыныча», мы перебегали ему дорогу. Замирало сердце от страха и восторга! Но мы не понимали, что можно было упасть, запнуться, не успеть, а машинист не мог остановить поезд.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...